

На пути свободы Хулиан Каррон

Мы находимся в трудной, противоречивой и по разным параметрам неблагоприятной ситуации. Очевидно, что невозможно противостоять ей, если нас определяют проблемы или поработают трудности. Если же мы свободны, то, напротив, можем всегда и везде созидать. Тогда возникает вопрос: откуда рождается свобода, как она поддерживается, как растет и укрепляется?

Каждый из нас проходит через испытание именно в периоды кризиса. А что представляет собой каждый из нас? Всегда есть искушение воспринимать себя, исходя из собственных способностей, данных или умений. Но они не раскрывают полностью нашего «я». Мы понимаем это особенно тогда, когда видим, что всего перечисленного недостаточно для противостояния настоящим вызовам. Каждого из нас определяет самосознание. Вопрос не в том, оказались ли мы на высоте ситуации, а в том, устойчива ли наша жизненная позиция перед малыми или большими вызовами, с которыми мы должны сталкиваться. Именно в критические моменты с наибольшей силой проявляются важнейшие вопросы жизни.

Причину этому объясняет Ханна Арендт: «Кризис заставляет нас вернуться к вопросам, он требует от нас ответов, неважно – старых или новых, главное – основанных на непосредственных данных. И превращается в катастрофу только тогда, когда мы пытаемся противостоять ему с помощью предвзятых суждений, то есть предрассудков, таким образом усугубляя его и отказываясь пережить опыт реальности, использовать кризис как возможность для размышления»¹.

1. Свобода – зависимость от Тайны

Кризис заставляет нас смотреть в лицо вопросам именно потому, что обычных ответов, которые в действительности привели нас к сложившейся ситуации, уже не хватает. Если мы цепляемся за них, держимся за предвзятость и схемы прошлого, ситуация лишь ухудшается, приближаясь к катастрофической. И это очевидно в отношении к тому, что вы справедливо считаете самым необходимым для созидания, то есть к свободе.

В течение многих лет мы могли понимать свободу как отсутствие каких-либо связей во всех сферах, личных и общественных. Мы могли думать, что справимся сами и нам не нужны никакие отношения. Более того, что есть лишь один-единственный способ быть по-настоящему свободными и самостоятельными: не зависеть ни от кого и ни от чего. Но кризис явственно показал, насколько неустойчиво такое понятие свободы и сколь далеко от реальности представление, что подобным образом можно быть свободными. Мы видели и видим это тогда, когда нас определяют обстоятельства, колебания рынков или финансов, когда чувствуем собственное бессилие перед всякого рода удушающими нас трудностями. В результате становится очевидным: в такой ситуации усеченное представление о свободе выглядит просто жалко. И это заставляет нас задуматься. Мы вынуждены пристальнее посмотреть на то, что, казалось бы, уже знаем: откуда рождается свобода, позволяющая нам созидать?

Чтобы должным образом ответить на этот вопрос, необходимо понять, что делает человека свободным. Ведь абсолютно очевидно: если «я» – лишь преходящая точка внутри реальности, понимаемой как слепой поток мира и истории, у него не будет никакой свободы. «Если бы рождение человека было лишь биологическим наследием отца и матери,

¹ H. Arendt, *Tra passato e futuro*, Garzanti, Milano 1991, p. 229.

мгновением, в которое весь поток бесчисленных предшествующих реакций производит этот эфемерный плод; если бы человек был только этим, то слово “свобода”, выражение “права человека”, само слово “личность” звучали бы действительно смешно, цинично смешно. Ни на чем не основанная свобода есть *flatus vocis*: пустой звук, рассеиваемый ветром»².

Зачастую первый бой за свободу мы проигрываем на территории самосознания нашего «я», когда рассматриваем себя как часть механизма обстоятельств. В таком случае у «я» нет другой возможности, кроме как отдаться во власть потока обстоятельств, из которого оно не в состоянии выбраться. Для того, кто соглашается с таким пониманием самого себя, нет никакой возможности сказать «я»!

Борьба за свободу – это прежде всего вопрос культуры, поскольку она связана с самовосприятием человека. Много лет назад блаженный Иоанн Павел II пророчески предостерегал нас, указывая, что трагедия нашего времени – в страхе «стать жертвой насилия, отнимающего внутреннюю свободу <...>, [жертвой] некоего «мирного» порабощения отдельного человека, социальных групп, целых обществ и наций, которые по каким-либо причинам в состоянии помешать тем, кто располагает такими средствами и готов использовать их невзирая ни на что»³.

«Лишь в одном случае эта точка, отдельный человек, свободен от всего мира, свободен! – и весь мир не может оказывать на него давления, все мироздание не имеет над ним власти; лишь в одном случае объясним этот образ свободного человека: если предполагается, что эта точка не состоит только из биологического наследия отца и матери, но обладает чем-то, что не исчерпывается генетическим материалом предшествующих поколений, но представляет собой *непосредственную связь с бесконечным, непосредственную связь с источником всего потока мира, всего “круга” с тем таинственным Х, стоящим над потоком реальности, то есть Богом*»⁴.

В своем выступлении в Бундестаге Бенедикт XVI напомнил нам об этом: «Человек также обладает природой, которую следует уважать и которой нельзя манипулировать по своему желанию. Человек – это не только свобода, которая создается сама собой. Человек не создает самого себя. Он есть дух и воля, но также природа, и его воля является правильной, когда он бережно относится к природе, слушает ее и принимает себя таким, каким является, – не созданным самим собой. Так и только так осуществляется истинная человеческая свобода»⁵.

«И вот *парадокс*: свобода – это зависимость от Бога. Это парадокс, но он совершенно ясен. Человек, конкретный человек: я, ты – прежде не существовал и теперь существует, а завтра его не будет, – следовательно, он зависим. Или он зависит от потока своей материальной предыстории, и тогда он – раб власти; или зависит от Того, что стоит у истоков всего сущего, свыше его, то есть от Бога»⁶.

Но реалистично ли так говорить? Сам Бенедикт XVI принял этот вызов, с решимостью поставив вопрос. Из его ответа мы можем понять, что означает для свободы отсутствие Бога: «Нуждается ли человек в Боге, или же все идет относительно нормально и без Него? Когда на первой стадии отсутствия Бога Его свет все еще продолжает посылать отблески и поддерживает порядок человеческого существования, может возникнуть впечатление, что и без Бога все идет довольно неплохо. Но чем дальше мир отходит от Бога, тем яснее становится, что человек – как объект манипуляций со стороны власти, с пустотой в сердце, живущий в поисках удовлетворения и счастья, – *теряет* свою жизнь»⁷. Что-то похожее происходит, когда отключают обогреватель: накопленное тепло какое-то время еще греет комнату, поддерживая иллюзию, что можно сэкономить на оплате электроэнергии. Но

² Джуссани Л. Религиозное чувство. М., 2004. С. 106.

³ Иоанн Павел II. *Dives in misericordia*, 11.

⁴ Джуссани Л. Там же. С. 106.

⁵ Бенедикт XVI. Выступление в Федеральном Парламенте. Берлин, 22 сентября 2011 г.

⁶ Джуссани Л. Там же. С. 107.

⁷ Бенедикт XVI. Экуменическое богослужение. Эрфурт, 23 сентября 2011 г.

вскоре холод избавляет нас от обмана. В определенном смысле то же самое можно сказать и о свободе: мы думали, что разрыв связи с Богом станет освобождением. Но вскоре увидели, что стали еще уязвимее, ибо оказались еще более одинокими перед *насилием* со стороны власти.

Парадоксальным образом кризис может стать возможностью, чтобы дать свободе реальное крепкое основание, иначе она оказывается *flatus vocis*, пустым звуком: «Свобода отождествляется с зависимостью от Бога на человеческом уровне, когда мы признаем ее и переживаем на опыте. Рабство – это отрицание или усечение этой связи. Переживаемое на опыте сознание этой связи называется религиозностью. Свобода заключается в религиозности! Поэтому единственный заслон, единственный предел, единственное препятствие диктатуре человека над человеком, идет ли речь о мужчине или женщине, о родителях или детях, о правительстве и гражданах, о хозяевах и рабочих, о партийных вождях и о структурах, в которых служат люди, – единственный заслон, единственный предел, единственное возражение, *единственное*, что противостоит рабству пред лицом власти, – это религиозность»⁸. Поэтому Папа может абсолютно разумно утверждать: «Так и истина о нас, истина нашего личного сознания есть прежде всего “то, что дано”»⁹.

2. Свобода – принадлежность народу

То, что верно на онтологическом и антропологическом уровне, верно и на уровне историко-общественном. Действительно, там, где царствует индивидуализм, то есть отсутствие связей, человек находится в опасной незащищенности перед притязаниями очередной власти – экономической, политической или социальной. Отделить людей друг от друга – один из наиболее эффективных методов господства над ними.

Какой способ лучше всего подходит для сохранения свободы человека во времени и пространстве? Тот, что указывает сама природа человека: связь, общность, а точнее, как написано в документе Движения «Кризис: призыв к изменению», – принадлежность народу, который сохраняет связь с Тайной, освобождающей каждого человека. Отец Джуссани предлагает нам великолепное описание: «Жизнь народа определяется общим идеалом, ценностью, ради которой стоит жить, работать, страдать и при необходимости даже отдать жизнь; она определяется общим идеалом, ради которого стоит пойти на все. Эту динамику предчувствовал уже святой Августин, когда в сочинении «О граде Божьем» писал: “народ – это совокупность разумных существ, которых связывает между собой единое согласие в том, что они любят”, и добавлял, что для понимания природы каждого народа необходимо, следовательно, смотреть на то, что он любит (*ut videatur qualis quisque populus sit, illa sunt intuenda quae diligit*). Во-вторых, жизнь народа обуславливается выбором инструментов и методов для достижения признанного идеала с учетом всех нужд и вызовов, которые постепенно возникают в исторических обстоятельствах. В-третьих, жизнь народа подразумевает взаимное служение, когда один помогает другому в пути к реализации этого идеала. Народ существует там, где память об общей истории существует и воспринимается как историческая задача. Из признания идеала рождается энергия действия, для которого отбираются наиболее подходящие средства. В конечном счете жизнь людей, составляющих народ, приходит ко взаимной любви и милосердию, когда один несет тяготы другого. В этом смысле «мы» входит в определение «я»: народ определяет судьбу, деятельную силу и творческий потенциал каждого «я». Если «мы» народа входит в определение «я», то человек достигает зрелости, признавая собственную личную судьбу и переживая целостную привязанность, погружаясь в жизнь народа, разделяя его идеал. Поэтому без дружбы как бескорыстного и взаимного признания общей судьбы не существует народа»¹⁰.

Чем сложнее ситуация, тем острее встает необходимость поддерживать друг друга – сознанием, конкретными делами, общностью, готовностью пойти на риск. Для этого мы

⁸ Джуссани Л. Там же. С. 107.

⁹ Бенедикт XVI. *Caritas in veritate*, 34.

¹⁰ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. 118.

должны быть готовы к переосмыслению многих понятий: «Социальное учение Церкви утверждает, что подлинные человеческие отношения – дружба и солидарность, поддержка и взаимопомощь – могут осуществляться в рамках экономической деятельности, а не только вне ее или “после” нее»¹¹.

Что может убедить нас признать эту принадлежность? Как дружеская основа отношений проникает в экономическую деятельность? Отец Джуссани поразительно говорит об этом в исторической речи 1987 г. в Ассаго. «Отношение с бесконечным делает личность подлинным и активным субъектом истории. Культура ответственности не может не исходить из религиозного чувства, а позиция, при которой человек исходит из него, ведет к единству. Люди, направляемые религиозным чувством, естественным образом тянутся к единству – не объединению ради выгоды, а единству сущностному. Они стремятся жить в обществе, переживая единство в поразительной полноте и свободе, и Церковь в этом отношении – наиболее показательный случай. Поэтому рождение новых движений – это знак жизненности, ответственности и культуры, которые задают ход общественному устройству как таковому. Нужно заметить, что такие движения не могут останавливаться на уровне абстрактных размышлений. Несмотря на инертность или недостаточную проницательность своих отдельных представителей, движения не могут остаться отвлеченными от жизни, но стремятся подтвердить свою истинность в столкновении с нуждами, в которых воплощаются желания. С этой целью в движениях рождаются “дела”, или “формы новой жизни”, как сказал Иоанн Павел II на Митинге в Римини в 1982 г., призывая собравшихся вслушаться в социальное учение Церкви. *Дела* являются подлинным вкладом в обновление лика и полотна общественной жизни. <...> Следовательно, сила и устойчивость личной ответственности проявляется именно в том, что первоочередной задачей человека становится свободное и творческое переживание социального измерения своей личности»¹². Но эта новизна и устойчивость возможны только в том случае, если *дело* не отрывается от своего истока.

Кто сегодня способен идти на риск и объединяться с другими людьми? Только тот, кто, разделяя смысл жизни, идеал, может разделять и все остальное. И чем острее кризис, чем выше индивидуалистский риск смотреть на другого как на противника, которого нужно победить, тем более необходима сегодня сила Того, Кто мог бы напомнить нам всем о нашей неисчерпаемой нужде: «Без Бога человек не знает, куда идти, и даже не может понять, кто он такой. Когда непомерные проблемы, препятствующие развитию народов, подталкивают нас к унынию и чуть ли не принуждают сдаться, нам на помощь приходит слово Господа Иисуса Христа, Который разъясняет: “Без Меня не можете делать ничего” (*Ин* 15,5), – и ободряет нас: “Я с вами во все дни до скончания века” (*Мф* 28,20). Предстоит проделать огромную работу, и нас поддерживает вера в присутствие Божие рядом с теми, кто объединяется во имя Его и трудится ради справедливости»¹³.

Существование такого народа, такой компании, такого дела поддерживает и помогает не только тем, кто напрямую в нем участвует, но и тем, кто встречает его на своем пути: «Самая большая тайна заключается в том, что существование народа невозможно, если его благо не рассматривается как благо для мира, для всех остальных людей. Это становится ясно, когда народ достигает определенной уверенности и достоинства и когда формируется и утверждается идеальный фактор (который является истоком любой цивилизации, так же как его исчезновение указывает на ее закат: цивилизация приходит в упадок, когда она больше не в состоянии сохранять породивший ее идеал)»¹⁴.

Поддержание такой инициативы одного человека или группы – это и есть политика: «Настоящая политика – та, которая защищает новизну жизни в настоящем, доходя также и до изменений в устройстве власти. Таким образом, политика должна решить, следует ли

¹¹ Бенедикт XVI. *Caritas in veritate*, 36.

¹² Джуссани Л. Я, власть, дела. М., 2004. С. 162.

¹³ Бенедикт XVI. *Caritas in veritate*, 78.

¹⁴ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. 119.

ей содействовать развитию общества исключительно как инструмента, орудия манипуляций государства и его власти или же содействовать государству на самом деле светскому, то есть призванному служить общественной жизни, согласно концепции Фомы Аквинского об *общем благе*, с энтузиазмом воспринятой Папой Львом XIII в его великом, но забытом теперь Учительстве»¹⁵.

На этом повороте истории нам легче понять, насколько описанное понимание свободы может помочь каждому человеку, каким бы ни было его положение в обществе. Мы все можем проверить, что нас по-настоящему освобождает и ставит в оптимальные условия, чтобы проживать все обстоятельства – даже самые противоречивые и неприятные – с положительным взглядом, который в ином случае был бы невозможен. Из опыта истинной свободы возникает способность к созиданию, которой никакая трудность не может полностью воспрепятствовать, о чем многие из вас каждодневно свидетельствуют. Когда мы видим эту созидательную энергию в других людях, это изумляет нас до такой степени, что будущее перестает быть пугающим и наполняется обетованием блага, которое укрепляет нашу надежду.

Желаю вам никогда не отступать в том, что вы делаете, совершать человеческий путь, опираясь на разум и свободу, соответствующие масштабу вашей человечности, и помогать друг другу в этой решающей битве, потому что в ней вы обретаете благо для себя самих и для всех людей.

¹⁵ Джуссани Л. Там же. С. 163–164.